

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН
ДЖЕЙ МАКАЙРИН

ЗМЕЯ В ИЗГОЛОВЬЕ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Разработка серийного оформления
А. Дубовика, А. Саукова
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Свержин, Владимир.
С24 Змея в изголовье / Владимир Свержин, Джей
МакАйрин. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (Магические легенды).

ISBN 978-5-699-94355-5

Этот великолепный кристаллический цветок, именуемый древними Ратгарна, явился людям еще во времена фараонов. И уже тогда отыскался мудрец, решивший надежно спрятать его от чужих глаз. Однако даже самое надежное укрытие со временем перестает быть таковым. И человеческая драма, песчинка на весах истории, может сорвать настоящую лавину. На пути этой лавины становится таинственная организация хранителей, которая со времен Крестовых походов принимает на себя основной удар пытающегося ворваться в этот мир воплощенного зла. Части распавшейся Ратгарны — вовсе не милые сувениры, какими могут показаться, и люди, взявшие их себе, одновременно принимают нелегкий жребий. Но что будет, если собрать древний артефакт целиком? И чего на самом деле желают те, кто пытается это сделать?..

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94355-5

© Свержин В., МакАйрин Дж., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Пролог

Саид остановил коня и спрыгнул наземь. Его внимание привлек камень, что был недавно перевернут и темнел среди более светлых, спозаранку высушенных палящим солнцем. «Так и есть, — подумал юноша, внимательно оглядывая след, — здесь ее конь упал от усталости». Он перевел взгляд чуть в сторону: на сером песке меж камней едва проглядывала вмятина, какую оставляет человеческая пятка, если ее обладатель что-то с силой тянет. «Пятка узкая и, — он поглядел на примятые травинки меж камней, — нога маленькая». Так что, если владыка небес не решил над ним подшутить, он близок к цели. Это та, кого он ищет. Саид ясно представил, будто увидел, как девушка силится поднять на ноги рухнувшего коня. Вон он лежал, камни вдавлены в песок.

Саид покачал головой. Конечно, ему, с малолетства выросшему при храме, не было дела до жизненных перипетий джуххаль, не сведущих в вере, и уж тем паче до франков-иноверцев. И все же... что могло заставить девушку, судя по следу, невысокую и хрупкую, мчать целый день, загоня скакуна, не обращая внимания на палящий жар, на пыль, забивающуюся в рот и нос, заставляющую

глаза плакать помимо воли? Ну да это не его дело. Его дело — отыскать беглянку и вернуть отцу.

Ясно, что по своей воле он бы не стал за ней гоняться. Но так велел Джемаль, а слово аджавида, совершенного хранителя священного храма, все равно что воля небес. По сути, так оно и есть: аджавид Джемаль — земные уста Создателя Истины.

И все же, рискуя навлечь на себя гнев аджавида, тогда он не удержался от вопроса:

— О, хранитель Завета, как же смогу я исполнить порученное мне, когда наши правила запрещают мне прикасаться к женщине и даже разговаривать с ней?

— Так и есть, мой мальчик, похвально, что ты послушен закону. Но, исполняя волю настоятеля, ты обязан совершить беспрекословно любое деяние, пренебрегая иными запретами. Ибо как есть одежда для всякого дня и одежда для служения, так разные правила существуют для разных случаев.

Саид молча склонился перед мудрым старцем, решив не задавать больше вопросов. Однако Джемаль все-таки счел нужным объяснить:

— Она дочь кади из ближнего селения, того самого, откуда в башню привозят снедь. Она виновна в дерзости и непослушании. Ей нет прощения. Капризной девчонке вздумалось перечить отцу, нашедшему ей хорошего жениха. Но отчего-то мудрый кади решил не карать ее за побег, а лишь вернуть под отчий кров. Не сомневаюсь, глупая девица уже одумалась, ибо после мягких ковров и фиников, после чистой воды и тенистых пальм ее удел теперь — мрачные горы и жаркая пустыня. Неразумная бунтовщица заслужила этот урок.

Езжай, найди ее, покажи вот этот перстень, — Джемаль поднялся с высеченного в камне сиденья,

похожего на трон. — Видишь, на нем выгравирована султанская тугра — знак власти ее отца. Это залог того, что почтеннейший кади прощает свою непутевую дочь. — Он протянул Саиду черненный серебряный перстень. — Не мне судить мирян, но я считаю, что это оплошность. — Саид молча кивнул. — Я вижу, ты хочешь что-то спросить, — вперив в молодого стража пронзительный взгляд почти черных глаз, тихо проговорил аджавид.

Саид опустил взгляд, пряча радость, смешанную с гордостью. Такое щекотливое поручение говорило о многом: простого стражника мудрейший Джемаль не стал бы посылать туда, где скопища шайтанов угрожают душе истинно верующего. А значит, верховный хранитель возлагает на него особые надежды, выделяет среди прочих молодых стражей и, возможно, желает приблизить к себе, чтобы сделать одним из посвященных! От такой перспективы у него радостно заколотилось сердце. Однако запоздалая мысль обожгла, будто удар витого бича: «Что, если я не справлюсь? Я понятия не имею, как обращаться с женщинами. Но сколько раз приходилось слышать, что каждая из них — гнездилище порока и смертельный искус для мужчины!»

— Прошу простить, если омрачаю твой дух пустыми сомнениями, только что мне предпринять, если беглянка не пожелает возвращаться?

— Саид, — в голосе старца зазвенела сталь, как в те давние годы, когда он командовал отрядом стражи на страх разбойникам, промышленявшим на ближних караванных тропах, — отыщи и привези!

Молодой воин, кланяясь, вышел из потаенной залы. Больше всего в жизни он желал сам когда-

то занять место просветленного наставника истины, однако путь к этому был долг и непрост. Для этого мало быть отличным следопытом и поражать летящую птицу первой же стрелой. Одному Творцу ведомо, когда сумеет он стать опытным настолько, чтобы водить отряд стражи, бдительно охраняющий от разбойников ближнюю округу. Поставят ли его во главе всей явной и тайной стражи древнего святилища?

Только после этого он станет уккаль — знающим, допущенным к служению реликвии, хранимой в стенах монастыря, достойным приобщения к ее величию. Лишь тогда... Если очень повезет... Если мудрость его будет сочтена высочайшей и вера признана безупречной... он будет избран хранителем тайны тайн. А до того... до того он знает лишь, что святыня требует беззаветного служения, и этого довольно.

Саид огляделся: красные склоны гор все более темнели и покрывались черными складками. Скоро ночь.

«Конь загнан, ему нужно отдохнуть. Девушка, если, конечно, иблис окончательно не лишил ее рассудка, не решится идти ночью, ведя коня в поводу. Тем паче скоро выйдут на охоту волки. На вооруженного всадника они нападать не станут, а на усталую девушку с обессиленным конем очень даже могут. Тем более если голод согнал вместе трех, а то и четырех зверей. — Саид точно с высоты птичьего полета представил себе окрестные земли. — Пожалуй, она постарается укрыться в Драконьем ущелье». Он поежился.

Поднявшийся с полудня ветер усиливался. Темнобрюхие, будто извалянные в пыли, слоистые облака с изорванными в клочья серыми краями

надвигались, превращаясь в небесных чудовищ, хищных демонов пустыни. Еще недавно они лениво, словно овцы в бескрайнем синем поле небес, медленно брели неведомо куда. Но сейчас и самому быстрому скакуну не угнаться за ними. Мрачные тучи несутся, пришпоренные сполохами далеких молний, каждый миг изменяясь и пугая опытного наблюдателя — надвигается песчаная буря. Молодой воин утер пот со лба: «Следует поторопиться».

Словно подтверждая его мысли, ветер рванул еще сильнее, едва не сорвав широкий бурнус с его плеч. Саид подхватил его, не дав улететь, вскочил на встревоженного коня, нервно бьющего копытом, и ударил коленями по бокам скакуна.

Молодой воин оглянулся на почти отвесные склоны гор. Еще недавно радовавшие глаз чередованием красных и черных полос, сейчас они возвышались непроницаемой темной громадой. Как будто несущиеся по небу тучи разбиваются о них, оставляя на память мрачный след. «Надо спешить!» — Саид пустил коня в галоп. Умный скакун, выросший с самого жеребьячьего возраста под неусыпной опекой воина, чувствовал каждое его прикосновение и, подобно верному псу, отзывался на свист.

В этот миг благородное животное не хуже человека понимало, какая опасность грозит им обоим, и мчалось, спеша успеть к укрытию до того, как бездушная песчаная волна накроет испуганно замершее предгорье, сокрушая все живое, хороня без следа всякого, кто имел неосторожность встать у нее на пути.

Драконье ущелье — широкий разлом, возникший еще в те далекие века, когда земля сотряса-

лась, будто в лихорадке, от катаклизмов, менявших лицо планеты, иссушающих моря и воздвигающих горы. Оно появилось словно вдруг: широкой расщелиной в камнях, извиваясь меж обрывистых берегов, точь-в-точь пересохшее русло некогда бурного, но давно сгинувшего потока. Лишь в сезон дождей здесь скапливалась вода, да и то в самых глубоких местах она не доходила и до пояса. Сейчас воды не было. Да она никогда и не задерживалась тут надолго.

Постепенно углубляясь, дно ущелья вдруг будто срывалось в глубокую пропасть. И лишь узкая тропка-карниз позволяла человеку идти дальше. Для коня это место было непроходимо, так что дальше мятежной дочке кади не пройти. На ее счастье как раз поблизости имеется небольшой грот. Если беглянка его заметит — она спасена. А нет — какая разница, все равно он поймает ее. Из Драконьего ущелья иначе не выбраться!

Он сам пока не знал, что будет говорить неведомой ему девице с красивым именем Амина. До сего дня он видел девушек лишь издали, наблюдая, как в недалеком оазисе они набирают воду из благословенного источника, бьющего среди камней. Они казались ему неземными созданиями, таинственными и непостижимыми. Ничего из его нынешних знаний и умений не могло подсказать воину, как вести себя с беглянкой. Ничего из его прежнего опыта. Впрочем, велик ли был этот опыт?! Он помнил лишь мягкие нежные руки матери, ее долгие ласковые песни. Но чем дальше отматывало время свою бесконечную нить, тем больше все это казалось ему волшебным сном. Он чувствовал только смутное волнение, легкую дрожь в предвкушении неведомого.

Саид быстро спешился и повел коня в поводу. Мчаться без оглядки дальше было опасно. Наносной песок и каменные осыпи всякий день изменяют дно ущелья, так что знакомой тропы тут и быть не может. Неосторожный шаг — и конь упадет, может сломать ногу. Тогда молись, чтобы самому добраться живым до людского жилья. Преследователя неожиданно кольнула мысль: «Знает ли об этом беглянка? Вряд ли за свою недолгую жизнь она выезжала куда-нибудь из дома так далеко, а если и выезжала, то в сопровождении отца и братьев. И, конечно, не в эти дикие земли. Что это ей вдруг вздумалось...?»

Он вдруг поймал себя на мысли, что невесть почему беспокоится о незнакомой девушке, и тут же одернул себя: как же так? Ему о ней не то что не следует думать с состраданием, но и вообще думать запрещено! Она провинилась, и ей нет прощения! А если мудрый судья кади решил по-другому, то он отец и в своем праве. А его послали привести ее к кади точно так же, как доставил бы к нему пойманную на охоте лань. Единственная разница — эта «козочка» должна остаться живой и здоровой. Так велел наставник, а стало быть, такова воля неба.

Саид шел поспешно, хотя высокий склон и защищал воина от первых порывов песчаной бури, но, как бы то ни было, стоило укрыться и переждать. Хорошо, если беглянка отыскала пещеру, если же нет — придется вернуться с пустыми руками и доложить, что волей Создателя несчастная оставила этот мир. Ему вновь стало отчего-то ужасно жалко взбалмошную девчонку, и он снова одернул себя, но вдруг услышал вдали испуганное, а затем отчаянное ржание коня.

Завывающий над головой ветер почти совсем заглушил его, но Саиду послышалось, что за ржанием последовал человеческий крик. «Ну конечно! — обожгло его недоброе предчувствие. — Как я мог надеяться на лучшее? Глупая девчонка не желала остановиться, полезла на карниз. А дальше...» Он не хотел думать о том, как срывается вниз конь и девушка летит в смертельную пропасть, даже не успев высвободить ноги из стремян. Но картина гибели красавицы помимо его воли упрямо вставала перед глазами. Саид понятия не имел, действительно ли она хороша собой, но за годы, проведенные в святилище, он иногда, пусть только издали, видел женщин, и все они представлялись ему таинственными и прекрасными. И уж конечно, эта была самая необычная из всех.

Еще бы! Не всякий мужчина решится идти в пустыню, даже опытный караванщик рискует здесь пропасть без вести в такой песчаной буре или сломать шею на одном из горных обрывов. А тут какая-то девчонка! Он перешел с шага на бег, надеясь, что еще сумеет помочь несчастной. Конь тоже перешел с шага на легкую рысь, спеша за хозяином. До предательского карниза оставалось совсем немного, когда тренированный глаз воина заметил тень, метнувшуюся в темный провал. «Это же пещера!» — сообразил молодой хранитель древней святыни. Карниз начинается шагов через тридцать. Там и в ясную-то погоду пройти можно только бочком, держась руками за выступы в скале. Но размышлять дольше не было ни времени, ни смысла.

Он метнулся вслед за фигуркой, исчезнувшей в темном провале, и у самого входа в пещеру услышал:

— Остановись или я убью себя!

Голос, которым были произнесены слова, был куда приятней, чем их смысл, но крик, Саид понимал это, был криком отчаяния. Что бы он себе ни придумывал по дороге, какие бы слова ни подбирали, сейчас все это не годилось. Подобно тому, как загнанная в угол крыса бросается на кота, беглянка в этот миг утратила разум, и слова увещевания стали бы пустым звуком. Медлить нельзя! Здесь была та, за кем он следовал с самого утра и до заката, чьи следы выискивал и разбирал так тщательно и скрупулезно.

Значит, пришло время действовать: во исполнение приказа мудрейшего Джемалю он должен был решиться на мысленную оговорку — такую, ибо в этом есть великая польза, даже размышлять о которой для него грех. Что бы там ни надумала сумасбродная девица, приказ должен быть исполнен, даже ценой жизни.

— Но если я не войду, то погибну! — с испугом и даже с мольбой в голосе прокричал Саид. — Кем бы ты ни была, я не причиню тебе зла. Но там, наверху, начинается песчаная буря...

— Тебя послали за мной? — будто не слыша слов юноши, выкрикнула беглянка. — Кто? Отец? Или тот вислобрюхий шакал, которого, на беду, он избрал мне в мужья?

— Я не ведаю, кто ты и о чем говоришь. Я воин-хранитель из святилища, что на горе близ древних копий Сулейман-мелика. Я был в дозоре, когда заметил приближение бури. Прошу, спрячь оружие, иначе я и мой конь погибнем!

— Ты говоришь правду?

— Во имя Аллаха милосердного, поверь мне! — выкрикнул Саид, не отвечая на вопрос. — А если не веришь мне, то спаси хотя бы коня.

Это была своего рода уловка: лишенный хозяина скакун все равно бы привез беглянку к святилищу, ибо с детства был приучен находить дорогу и возвращаться туда. Конечно же, девушка об этом не знала и, пораженная такой самоотверженностью, спрятала за широкий пояс искривленный, будто львиный клык, отточенный кинжал джамбию. Удовлетворенный результатом, Саид повернулся, свистнул, призывая скакуна, и поднялся в пещеру к девушке. Конь начал медленно подниматься по осыпи и в конце концов улегся у самого входа, закрывая узкий проем своим мощным телом.

— Его не засыплет? — встревоженно спросила девушка, глядя на легконогого вороного красавца.

— Этот камень, нависающий над пещерой, направит поток ветра и песка выше коня, — устало прислонясь к каменной стене, отозвался воин и, в свою очередь, спросил, чтобы как-то поддержать разговор: — Когда я добирался сюда, слышал конское ржание. Это твой?

— Был мой, — утирая слезу, тяжело вздохнула незнакомка. — Увы, на горе мне, когда я забиралась сюда, из пещеры вылетели две большие черные птицы. Конь испугался и понес, а дальше пропал.

— Плохо, очень плохо. Как теперь без коня? А птицы — это карачуны-змеееды, вон их гнездо, — Саид указал на каменный уступ. — Редкий гость в наших краях. Одно хорошо — кобр можно не опасаться.

— Какая разница теперь? — всхлипнула девушка, обреченно закрывая лицо руками. — Быть может, змея была бы сейчас лучшим исходом. Кобра не заставляет свою жертву долго мучиться. А вот

родной отец, говоривший, что любит меня, обрек единственную дочь на годы мучений! Горе мне, несчастной!

Сердце молодого воина заколотилось часто, требуя встать на защиту бедной девушки. Он уже живо представлял себе коварного седобородого кади, за пригоршню дирхемов желающего продать это небесное создание в гарем какого-то ненасытного чудовища. Конечно, не его дело вмешиваться в мирские дела, но больше всего на свете ему хотелось сейчас полоснуть саблей по горлу злодея, задумавшего обречь рыдающую в шаге от него несчастную на годы слез и страданий.

Саид, пьянея от собственной наглости, от осознания совершаемого греха, протянул руку и коснулся девичьей щеки.

— Не плачь, не надо. Аллах милостив, он не оставит того, кто искренне взывает к нему. Ты пыталась сбежать из дома, но он отнял у тебя коня, чтобы ты не могла этого сделать. Такова его воля. И ни ты, ни я не изменим ее. Однако он не оставил тебя заботой, ибо направил сюда меня.

Девушка утерла слезы со щеки и глянула на собеседника глазами, полными надежды.

От этого взгляда у Саида разум стал туманиться, как будто он провел с непокрытой головой на солнце несколько часов кряду.

— Когда мой Ар-рих Аль-асвад умчался на встречу гибели вместе со всеми припасами еды и воды в переметных суммах, я уж было подумала, что Аллах и меня обрек на верную смерть. Но, наверное, ты прав, он послал тебя, и это хороший знак. — Она коснулась замерших у ее щеки пальцев юноши, и тот в испуге отдернул их, вызвав у красавицы невольную улыбку.